

18+

Света Нахимберг

«Лоскутное» одеяло

Света Нахимберг
«Лоскутное» одеяло

«Издательские решения»

Нахимберг С.

«Лоскутное» одеяло / С. Нахимберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850922-3

Хороших людей на Земле гораздо больше, на этом и держится жизнь на Земле!!! Несколько историй из жизни разных людей, окружавших меня...

ISBN 978-5-44-850922-3

© Нахимберг С.
© Издательские решения

Содержание

Иван	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

«Лоскутное» одеяло

Света Нахимберг

Несколько историй из жизни разных людей, окружавших меня...

Дизайнер обложки Илья Сергеевич Гончаров

© Света Нахимберг, 2017

© Илья Сергеевич Гончаров, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0922-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван

Наступила осень. Колхоз справился с правительственным заданием по всем видам урожая! По этому поводу в сельском Клубе решили устроить Праздник с вручением денежных премий и Почётных грамот. После торжественной части программы стулья составили вдоль стен, все разместились кто где, всем нашлось место, единственным в центре зала остался бюст И. В. Сталина. Когда объявили танцы, один из молодых колхозников подошел к тумбе, на которой стоял бюст, и перенёс его в безопасное место: мало ли, во время танцев кто-то нечаянно мог уронить бюст Вождя. Начались танцы, у всех было прекрасное настроение, танцевали и плясали «до упаду». После танцев все стали парочками расходиться по домам. Ничего не предвещало неожиданности...

Рано утром в дверь Ивана (это он убрал бюст) громко постучали, чтобы разбудить спящих колхозников. Иван подошел к двери, спросил: «Кто там?» «Открывай или сломаем дверь!» Иван не чувствовал за собой никакой вины, поэтому он спокойно открыл дверь... «Одевайся потеплее, тебя отвезут в отделение милиции и там всё объяснят!» У Ивана не было ничего теплее ватной фуфайки, он одел валенки и вышел за дверь, там его «встретил» сильнейший удар в лицо и у него закружилась голова. «За что?» «Приедешь-поймёшь!» В отделении милиции следователь уточнил: «Это ты переставил бюст И. В. Сталина в зале?» «Я подумал, что его во время танцев могут уронить!» «А кто тебе это подсказал, признавайся, кто тебя надоумил это сделать?» «Иван сказал: «Никто, я сам!» «Сам, значит ответишь один за свою «самодеятельность!» Следователь пригласил конвой и приказал отвезти Ивана в следственный изолятор!» За ним пришли два дюжих молодца, схватили его под руки и в буквальном смысле поволокли, как мешок, Иван не успевал за ними перебирать ногами, один из них поставил Ивана к стене, а второй пошел открывать камеру. Они снова взяли его вдвоем и втолкнули его со всех сил во внутрь: Иван от такого толчка упал на пол: раздался раскатистый смех сидельцев... Когда Иван очухался от падения, он на коленях подполз к свободному спальному месту: снова раздался смех... Когда Иван стал раскатывать постель, ему сзади кто-то подставил ногу, когда он тянулся, чтобы заправить дальний конец постели и он упал, больно ударившись о железный край кровати, и разбил голову. Кровь заливала ему глаза, а сзади кто-то больно схватил его за шею и «обтёр» кровь об одеяло, так «дружески» помогли соседи. Через несколько минут пришел конвоир и вызвал его из камеры... Всё, как положено, прошли по коридору со всеми поворотами с командами «стой!», «лицом к стене!», «прямо!», «стой!» и так в длину всего коридора... Вошли в допросную комнату, там сидел всё тот же офицер, рядом с Иваном стояли два конвоира. Офицер снова задал ему вопрос: «С кем решились отставить бюст Вождя в сторону?» Иван снова подтвердил, что он один так решил: «Хотел, как лучше!» «Один значит?» -он кивнул конвойному головой и тот со всех сил кулаком ударил Ивана по лицу. У того помутнело сознание, но в тот же миг услышал: «Вспомнил?» Иван не мог говорить, он только безропотно мотнул головой из стороны в сторону. Офицер снова кивнул головой: второй конвоир размахнулся и кулаком ударил его «под дых»: у Ивана перехватило дыхание, он еле удержался на ногах... Через несколько минут истязания повторились, но теперь били ещё сильнее и Иван упал на пол. Офицер приказал увести его в камеру. Конвоиры волоком доставили его до камеры и втолкнули туда. Иван упал на пол, к нему подошел один из заключённых, пнул его ногой и сказал: «Вставай, падаль! Весь пол в кровянищи замазал...» Иван еле-еле подполз к своей кровати и перехватываясь руками залез на неё. Он отвернулся к стене и горько заплакал: «За что меня так мучают? Ведь я ничего плохого не сделал, а теперь принимаю такие муки...» Он тихонько «подвывал», рассчитывая на сочувствие соседей по камере, но они, услышав его, громко захохотали. «Что? Плохой приём тебе оказали? Это ещё не всё-ещё впереди!» Раздался громкий хохот сидельцев. Иван понял, что сочувствия ему ждать

неоткуда, у него была одна надежда, что мать, которая ждала его с войны, как-то «достучится» до властей и во всём разберутся. У него не было других родственников: его призвали на фронт, а мать в это время жила вблизи от наступающих фашистов и надо было срочно бежать вглубь Страны, чтобы спастись, так она оказалась в Казахстане. Она голодала всю войну, так как работать не могла из-за болезни сердца, её брали только на лёгкие работы, а такие бывали не часто, поэтому у неё не было полноценных рабочих карточек, ей давали продуктовые карточки иждивенки, а у неё ведь и кормильца никакого не было, так она и жила: иногда удавалось выменять что-нибудь из одежды: все надеялись, что война скоро кончится, но наступила суровая, ветряная зима, морозы были сильными и она ни один раз пожалела, что выменяла свои скудные тёплые вещи. Так она дождалась своего сыночка с фронта, радость была безмерная: живой, здоровый, не покалеченный-за таким работником она была, как «за каменной стеной», но вот теперь его не было рядом и помочь ему она ничем не могла: у неё не было никаких влиятельных знакомых, накоплений на оплату адвоката тоже не было. Да тут ещё сердце начало прихватывать, денег на лекарства не было, а тех, что оставляла фельдшерница, не надолго хватало. Она день и ночь плакала от бессилия, не зная, чем помочь сыночку. Приступы становились более частыми и болезненными, фельдшер посоветовала ей съездить в город, она дала ей направление в стационар, но у неё не было денег, чтобы поехать в город и Ванечку одного не могла оставить: она добивалась свидания с ним, но ей даже надежды не давали, говорили, что с такими преступниками свиданий не положено. А у Ивана всё так же «выбивали» признания день и ночь, это была какая-то невыносимо страшная «карусель», Иван сам себе удивлялся, что он всё ещё жив... Он был в полной изоляции и не знал, как там живёт его мама: Иван знал о её болезни сердца и это ещё больше мучило его, а найти способ узнать, что-нибудь о ней у него не было возможности. Он не знал, сколько времени его здесь держат, а в это время его мама после очередного приступа умерла, а ему даже не сообщили об этом ни то, что дать попрощаться: он узнал о смерти матери ровно через 10 лет: суд назначил ему такой срок и его начали перевозить из одной тюрьмы в другую, «слава» о нём шла впереди него и когда он прибывал на новое место, там всё о нём знали и считали, что он-враг народа, а получил такой маленький срок... Они старались, чтобы жизнь не казалась ему мёдом. Каждый переезд всё сильнее ожесточал его, он привык к боли, но к унижениям привыкнуть никак не мог. Когда закончился срок, к которому его приговорил суд, он приехал в свой колхоз: там какой-никакой был его домик. Соседи рассказали, когда умерла его мама, как и где её похоронили. Он поблагодарил односельчан и сходил на могилку матери: денег на дорогие цветы у него не было, поэтому он набрал в степи нежные, голубые цветочки, принёс их на могилку, попросил у мамы прощения за всё горе, которое он ей доставил. Потом пошел в сельсовет узнать насчёт работы и отметить у местного участкового (так было ему сказано, когда он отсидел положенный срок). Милиционер сделал ему отметку на справку, что он прибыл на место жительства, а вот работы ему не дали: председатель сказал: «Пока паспорт ни выправишь-можешь не показываться, технику я тебе доверить не могу, а с документами дам работу на тракторе! Не забыл ещё»? Иван до того злосчастливого вечера был неплохим трактористом, перевыполнял нормы, получал благодарности и грамоты за хорошую работу, а теперь всё перечеркнуло его звание «врага народа». Деньги, оставшиеся у него быстро разошлись: надо было питаться и одежду какую-никакую справить-так опротивела ему арестантская роба. Он понял, что речь о паспорте была просто причиной ему отказать. Когда закончился срок и ему выдали новый паспорт, он решил уехать из Казахстана: здесь его ничего не держало, кроме могилы матушки, он поклялся навещать её, сам не зная, куда ему податься. Односельчане относились к нему неприветливо, стыдились остановиться и поговорить «за Жизнь», как бывало раньше: «враг народа», что тут скажешь... Он прочитал в газете, что на северном Урале строится новый город, требуются рабочие руки, на первых порах обещают дать место в общежитии, а дальше Жизнь покажет. Он собрал свой нехитрый скарб, чтобы было что-нибудь на первое время, и поехал в этот

город. Ехал с пересадками, денег хватало только на билеты, питался тем, чем угостят из милости попутчики. Так он добрался до Березников. Сразу по приезду он выпросил людей, где находится контора по приёму на работу приезжих, ему подробно всё рассказали: городок был ещё совсем новый, маленький, из конца в конец можно было пройти пешком. Иван добрался до отдела кадров Строймеханизации, там ему предложили подучиться для работы на экскаваторе. Когда он сообщил, что у него в этом городе никого нет и негде остановиться, его устроили в общежитие: в комнате кроме него жили ещё три молодых человека, хорошее общежитие с общей кухней, ванной и туалетной комнатами, это была большая роскошь для Ивана. Ребята, придя с работы, накинулись на него с расспросами, но Иван был немногословен, сказал только, что приехал из Казахстана.

Рано утром все вместе пошли на свои рабочие места, Ивана «прикрепили» к опытному экскаваторщику дяде Коле, который по возрасту собирался уходить на пенсию: во время войны он был тяжело ранен и контужен, это давало себя знать, он очень обрадовался, когда ему дали ученика. Дядя Коля многому научил Ивана, тем более, что это ему было привычным делом, дядя Коля хвалил Ивана за усердие и вскоре Ивану дали самостоятельную работу, а дядю Колю торжественно проводили на пенсию. Теперь у Ивана была цель: заработать денег и обзавестись кое-какой мебелью для будущей семейной жизни. Он присмотрел в заводской столовой, куда иногда заходил поесть оладушки со сметаной, попить компот. Он так и не обзавёлся друзьями, жил сам по себе и никого не впускал в свою Жизнь. А вот Валя из столовой была тихая, безропотная, никто не слышал от неё ничего ни о себе, ни о сотрудницах столовой-Ивану это очень нравилось. Проработав год и скопив денег на первое время, он сделал ей предложение стать его женой. Валя зарделась от его слов и сказала: «Я должна посоветоваться с Липой!» Что ещё за «Липа»? -спросил Иван. «Это моя родная сестра-Олимпиада, мы в семье зовём её Липой. Она уже три года замужем, у меня есть племянник, правда, совсем ещё кроха. Но наша семья живёт дружно и мы всегда советуемся друг с другом!» «Хорошо!» -ответил Иван. «Только ты не тяни с ответом, а то я и к другой могу посвататься!» Да, у него был большой выбор: с войны вернулось мало мужчин, а каждой девушке хотелось иметь семью, мужа и детей. Через пару дней Иван зашел к Вале за ответом. «Я согласна выйти за тебя!» У Вали была бледная, почти прозрачная кожа, их семья всю войну голодала, а вот ростом и статью она не подкачала: Валя была на голову выше Ивана, черноволосая, чернобровая с алыми губами на прозрачной коже лица, где было видно каждый маленький сосудик. Ивану она нравилась ещё и тем, что она была не только высокая, но и фигура её говорила, что она может быть хорошей матерью, а Иван очень хотел иметь большую семью. Свадьбу сыграли скромно: присутствие на ней родственников Валентины и их общих друзей не напоминали даже праздничной пирушки, только ритуальное «горько!» было признаком свадьбы. Не смотря на это, Валя была счастлива: она теперь семейная женщина, это отличало её от сотрудниц столовой: многие из них были многодетными вдовами, некоторые просто с каким-нибудь физическим изъяном и они не тешили себя надеждой на замужество. Тем не менее, они после свадьбы Вали поздравили её: шеф-повар приготовила роскошный торт, купили бутылку шампанского на собранные со всех сотрудниц деньги и после окончания работы столовой они поздравили свою подружку, все искренне порадовались за неё, пожелали личного счастья в семейной жизни... Это была последняя радость в ближайшие годы её с Иваном совместной жизни.

Иван оказался человеком чёрствым, Валя не слышала от него после свадьбы ни одного ласкового слова. Вечером, придя с работы, она поливала ему подогретой на печке водичкой, чтобы Иван смог над тазиком помыться: после работы на экскаваторе он приходил весь пропитанный маслом и грязью, которые надо было оттирать щёткой. Вспомним, что они жили в общежитии, в комнате Ивана они простынями выделили свой «уголок» где стояла их кровать и тумбочка. Рядом с кроватью Валя постелила домотканый половичек, потому что к ночи пол сильно промерзал, и вставать ночью в туалет было очень холодно. Иван любил, чтобы у Вали

был горячий борщ с большим куском мяса, она наливала ему этот борщ на общей кухне: там у них стоял свой маленький столик и табуретка. Иван быстро съедал борщ, оставался кусок мяса с косточкой, которую он держал в руках и обгрызал с неё мясо. Рядом с его тарелкой стояла тарелка Вали, Иван клал остатки мяса с косточкой в её тарелку, приговаривая: «Валькя, тябе!» Это было очень унижительно, но Валя молча наливала в свою тарелку борщ, а Ивану ставила стакан, он брал чайную ложку и насыпал туда практически полстакана сахара, Валя наливала ему заварку и воду из чайника, он брал стакан и покачивал его из стороны в сторону, чтобы сахар растаял. Он отпивал этот приторный чай, а остатки ставил перед Валей: «Валькя! Тябе!» – вставал и ни слова не говоря уходил в «свою» комнату. Теперь Валя садилась на табуретку и ела остывший борщ, догрызала косточку и сквозь слёзы выпивала чай. Помыв посуду, она шла в комнату. Там на кровати лежал Иван, готовый к исполнению своих семейных обязанностей. Он, ни слова не говоря, пододвигался на кровати, уступая место Вале, подтягивал её своими волосатыми руками под себя и делал с ней то, что называют «супружеским долгом». Запыхавшись, он отворачивался к стене и уже через несколько минут был слышен его храп, а Валя плакала тихонько: слёзы просто катились из глаз, она даже вытирать их боялась, чтобы не разбудить Ивана...

Так прожили они месяцев шесть, когда Валя поняла, что она беременная. После ужина (до ужина было запрещено говорить о чём-либо, такой «порядок» установил Иван) Валя сказала, что она беременна. Ни один мускул не дрогнул на лице Ивана: «Наконец-то! Я уж думал, что ты бесплодная, присматривал тебе замену...» Он не пропустил и после её признания исполнил свой «супружеский долг» и захрапел. Валя недоумевала, то ли радоваться ей, то ли печалиться. На следующий день в обеденный перерыв пошла к Липе, чтобы с ней посоветоваться. Липа посоветовала ей оставить ребёночка: «Даже, если он бросит тебя, мы ведь тебе поможем и жить будешь у нас: нам обещали дать отдельную квартиру, потому что муж инвалид войны, найдётся и вам местечко у нас!» Валя с лёгким сердцем спешила с обеденного перерыва на работу. На следующий день в обеденный перерыв Валя сходила к гинекологу, та подтвердила, что Валя беременна, срок пока 7—8 недель поэтому гинеколог спросила: «Ребёночка оставлять будем или Вы ещё не решили?» Валя твёрдо сказала: «Пусть живёт, я справлюсь, лишь бы здоровенький родился!» Врач похвалила её и завела на неё обменную карту: «Недельки через три-четыре приходите на консультацию, послушаем Ваше дитячко! Теперь Вам надо хорошо питаться, побольше овощей и фруктов, чтобы ребёночек хорошо развивался, меньше жидкости, чтобы не было отёков: из нашего разговора я поняла, что Вы целый день на ногах-почаще отдыхайте, тогда всё будет нормально!» «Спасибо Вам, доктор! Я всё поняла!» Валя попрощалась и побежала на работу. Она теперь очень мало ела, её ото всего подташнивало, но девочки на работе старались подкармливать её: она никому не рассказывала, как они живут с Иваном, но подружек не проведёшь, они видели её грусть в глазах и ни искорки счастья, как могло бы быть с любой другой девушкой, вышедшей замуж. Фрукты на Урале были очень дорогие: их привозили перекупщики с юга Страны, так что возможности покупать фрукты у неё не было. Но подружки иногда приносили ей кто мандаринку, кто грушу, кто виноград. В достаточном количестве можно было покупать очень вкусные яблоки: их привозили из Китая, они были в деревянных ящиках, каждое было обернуто тонкой бумажкой и все они были засыпаны рисовой шелухой, так что вид у них был свежий, как будто только с ветки. Но дело было в том, что каждую зарплату Иван до копейки забирал у неё: «Ребёнок родится-денег много понадобится, надо подкопить». Он и свою зарплату откладывал, поэтому Валя без его разрешения не могла ничего купить. А так хотелось иногда погрызть яблочко: ведь семья была родом из-под Курска, война «забросила» их на Урал. А на родине у них был свой дом, большой фруктовый сад, всю зелень и картошку выращивали сами, родители были работающими, ни клочка земли не оставалось не обработанной. А сейчас всё приходилось покупать. Война многих лишила насиженного гнезда. Отца призвали на фронт, вскоре пришла

похоронка, мать осталась одна с четырьмя детьми. Ей было очень тяжело прокормить детей, себе она во всём отказывала, ела тюрю: это такое «первое и второе блюдо вместе» - в миску крошила лучку, толкла его, чтобы было не очень остро, крошила туда хлебушек, заливала кипяченой водой и окропляла постным маслом, подсаливала и ела. Откуда тут взяться силам, чтобы по дому справляться без мужчины.

Каждый день всё село ходило копать противотанковые рвы, ставили на передовой «ежи»: рельсы, сваренные крест накрест. Ожидалось большое наступление, фашисты рвались к Москве. Когда стало небезопасно оставаться жителям окрестных деревень около линии фронта, их отправляли в товарных вагонах с нехитрыми пожитками в глубь Страны. В дороге двое детей погибли, так как немецкие самолёты обстреливали отступающие эшелоны, остались две девочки и их мама. Но в первый же год проживания на Урале мама умерла от непонятной болезни: резко поднялась температура, вызвали «Скорую помощь», увезли в больницу, там она потеряла сознание и, не успев попрощаться со своими девочками, умерла. Похоронили её в общей могиле вместе с умершими ранеными: в городе лечились после ранений солдаты и офицеры с фронта. Поэтому из родных у неё осталась только сестра. Валя часто навещала свою сестру, они подолгу сидели на кухне и разговаривали на разные темы. О своей жизни Валя не очень хотела говорить: ей просто стыдно было жаловаться. Но на душе у неё после разговоров с сестрой становилось легче, она обычно шла домой пешком, однажды зимой она поскользнулась и упала на спину. Ей, как и всякому другому в таком случае, надо было обратиться в больницу, но она не стала обращаться. Вечером перед тем, как лечь в кровать, Иван увидел синяки у неё на спине. «Это что такое? Кто-то тебя «приголубил»? Валя заплакала и рассказала ему всё. Утром надо было идти на работу: там она рассказала подругам о своём падении. Девчата сразу вызвали «Скорую помощь»: мало ли что с ребёнком случилось, лучше пусть врачи посмотрят, как чувствует себя ребёнок. Приехала машина, фельдшер осмотрела её и предложила поехать на обследование в стационар. Валя согласилась, подружки пожелали ей слушаться врачей и не спешить на работу – «она никуда не денется». В больнице её осмотрели очень внимательно и гинеколог её огорошил: «Удивительно, но я прекрасно слышу два сердцебиения: Вы носите двойню!» Валя не знала, радоваться или печалиться: как отнесётся к этому Иван. А тот, придя с работы и не найдя «дежурный борщ» и отсутствие жены, пришел в ярость. Он накинул фуфайку и вышел из общежития. Там он встретил женщину, работающую в столовой, и она рассказала, что приключилось с Валентиной. Больница в городе была одна и Иван пошел узнать всю правду: он волновался о ребёнке... Когда ему дали белый халат и рассказали, куда надо идти, Иван пошел в палату к Вале. Войдя в палату он громко спросил: «Что с ребёнком?» Валя со страхом смотрела на него, не зная, как ему сказать о двойне. Соседки по палате сказали ему, что у Вали только ушибы на спине, а врач, осмотрев её, сообщила о двойне. Иван растерялся, он долго молчал потом сказал: «Двое так двое! Лишь бы здоровые были!» Он ни одного доброго слова не сказал Вале и ушел. Он пошел в столовую поужинать: готовить на общей кухне он не хотел. До самой выписки Вали он ни разу не навещал её, приходила только Липа: она приносила Вале домашний бульон, фрукты, что-нибудь сладенькое. Валя была очень благодарна ей: ведь у неё своя семья и ребёнок маленький, которого она оставляла с соседкой. Она была более свободна материально: муж ни разу не попрекнул её, что она тратится на сестру. Через десять дней Валу выписали, наступала весна и за ней пришла Липа: они на такси добрались до общежития. Там они нежно попрощались и Липа пошла домой.

Через несколько месяцев Валя вышла в декретный отпуск, у неё было много времени, чтобы готовить что-нибудь вкуснее, она ходила в магазины и присматривала, что могло пригодиться малышам. Она ничего не покупала без ведома Ивана, но уже представляла, как она будет гулять со своими крошками. Пришло время родов, Валя поднялась на второй этаж: там только в одной квартире их двухэтажного дома был телефон. Когда она постучала в дверь, ей

открыла соседская девочка. «Что Вам, тётяшка?» «Можно мне позвонить, мне нужна «Скорая помощь»! «Да-да-да! Проходите, пожалуйста!» Валя вызвала машину и спустилась вниз за документами и необходимыми для больницы вещами. «Скорая» пришла быстро. Они были довольны, что Валя всё уже собрала и была готова к поездке. Родильный Дом находился в центре города, доехали быстро и Валя по тропинке прошла в «Приемный покой». Там её любезно, как свою родственницу, встретила нянечка, провела Валу за ширму, а сама пошла за врачом. Врач приказала нянечке подготовить роженицу и отвести в предродовую. Схватки были активными, зная, что у роженицы двойня, врач часто подходила к ней, осматривала и утешала: «Ничего, милая, потерпи. У нас такая миссия-давать Миру через боль нового Человека!» Через несколько часов врач пригласила её в родовую. Роды прошли нормально, никаких отклонений не было: сначала родилась девочка, через некоторое время родился мальчик. Врач поздравила её: «Молодец, мамочка! Двое хороших малышей-девочка и мальчик!» Валя была очень рада, что всё позади, боль прекратилась и она лежала на кресле умиротворённая и спокойная.

Вечером пришел Иван. Он был доволен, что родились и девочка, и мальчик. Они с Валею раздумывали, какие имена дать детишкам. Валя предложила назвать девочку Галиной, а Иван назвал мальчика Юрием. Они это всё передали друг другу записочками, потому что роддом-это заведение стерильное и посещений не было. Через семь дней Валу с малышами выписали: дети набрали необходимый вес, Валя чувствовала себя нормально. Она видела, как выписывались её соседки по палате: был муж, близкие родственники, обязательно цветы нянечке, выдававшей малышей. К Вале пришла Липа с мужем Александром, они наняли такси, вручили нянечке цветы, поблагодарили её, нянечка сказала: «Приходите к нам ещё-таких крепышей выносить приятно!». Валя поблагодарила её за всё, что здесь она получила: уход, внимание, доброжелательность, а дома её ожидало прежнее отчуждение, но теперь были малыши, которым она будет отдавать свою материнскую любовь...

Дома Липа помогла ей распеленать малышей-в квартире было тепло. Услышав, что приехала Валя, в комнату заглянула соседка по квартире, не подходя к детишкам, она поздравила Валу с удачно прошедшими родами: «Я там бульончик куриный приготовила, пообедай, это тебе можно кушать!» Пока Липа стояла около малышей, Валя быстренько поела и, поблагодарив соседку, устремилась к своим деткам. Скоро время кормления, но малыши спали, Вале было жалко их будить: «Захотят кушать, проснутся!» Они с Липой в комнате попили чаю и Липа уехала домой. Когда они расставались, Валя всплакнула: «Большое вам с Александром спасибо, что встретили меня! Как будет дальше, не знаю. Даже в день выписки Иван не пришел в роддом, чего хорошего ожидать дома...» Липа успокаивала её: «Не расстраивайся, у тебя малыши, а от расстройства может пропасть молоко. Если будет совсем тяжело, переедешь к нам!» Она пошла на остановку, чтобы добраться до дома. Там ведь у неё свой ребёнок сидит с соседкой, некогда задерживаться.

Вечером пришел с работы Иван: его не касалось то, что дети требовали времени и ухода, но пока они после кормления уснули, Валя приготовила ужин. Она подогрела большую кастрюлю воды: детям нужна была тёплая вода и Ивану помыться... Иван, даже не посмотрев на малышей, пришел на общую кухню и церемония ужина ничем не изменилась. Валя должна была хорошо питаться: ей надо было кормить малышей, но Иван не купил никаких соков, фруктов, хорошо, что детям пока хватало молока. Она попыталась заговорить с Иваном об этом, но тот как будто ничего не слышал, пошел в свою «комнату». Там на кровати лежали две «куколки» и лечь ему было негде. Он посмотрел на спящих детей и не понял: кто из них девочка, а кто мальчик. Ещё неделю назад соседка, у которой дети были уже большими, пообещала им детскую кроватку: «Пока так поспят, а потом разберётесь!» Иван забрал эту кроватку и поставил в своей комнате, Валя наскоро поев и выпив сладкого чая переложила детишек в кроватку, предварительно постелив туда чистую простынь. Она положила их головами в разные стороны, дети были ещё маленькие, так что им хватило места. Сама прилегла

на кровать к Ивану, который уже храпел и видел сны: «Видимо ему снятся лагеря» -подумала Валя, потому что он часто во сне скрежетал зубами и кого-то умолял пощадить его, он говорил это неразборчиво, но понять было можно. Вот оно женское сердце: к ней относятся как к пустому месту: ни ласки, ни внимания, но оно всё прощает. Вскоре закричала Галя, Валя поменяла ей подгузник, перепеленала, покормила и девочка заснула. Юрочка спал, он всегда был ленивым в процессе еды, приходилось его «тормозить» за носик и докармливать. Валя была так рада, что она понимает своих детишек, что, казалось, сердце выскочит от счастья!

Пока дети спали, Валя тоже задремала: события этого дня были полны новизны, приятных впечатлений, она даже на мужа не обижалась: «Устал на работе!» -подумала она. Дни и ночи тянулись чередой, другая соседка подарила ей коляску, Валя укладывала туда Галю и Юру и ходила с ними гулять в сквер рядом с домом: Иван за эти дни обратился к начальству с просьбой выделить им другую жилплощадь, так как у него родились двойняшки. Начальство нашло им свободную комнату в двухкомнатной квартире, комната была большая и они прекрасно разместились: купили ещё одну детскую кроватку, пеленальный столик, в этом доме жили близнецы, они уже были большими и гуляли без коляски, их мама предложила Вале купить не дорого коляску для двойни, теперь было просторно её малышам на прогулке. Время летит быстро: прошел почти месяц со дня рождения детей. Ночью, встав перепеленать Юрочку, Валя заметила, что он весь горит, она испуганно разбудила Ивана, чтобы тот сходил за «Скорой помощью». Иван пробурчал: «Застудила дитя?» Валя сквозь слёзы начала оправдываться, что мальчик не мог нигде простудиться, но Иван её не слушал, пошел вызывать «Скорую».

Машина приехала быстро, женщина-фельдшер начала осматривать ребёнка: он был такой маленький в чужих руках, головка опустилась и он плохо дышал, Валя стояла в слезах, ожидая, что скажут. «Мы его забираем в стационар! Он на грудном вскармливании или искусственник?» «Грудью кормлю обоих, молока пока хватает!» -со слезами в голосе ответила Валя. «Можно мне с ним, я только посмотрю, куда его положат и уеду: у меня ведь ещё девочка!». «Поезжайте! Место есть в машине! Но обратно доберётесь сама!». «Спасибо!» - Валя переделалась, запеленала Юрочку и они пошли к машине. Всю дорогу фельдшер слушала его дыхание и сердцебиение, забравшись фонендоскопом под пелёнки. Вскоре она наложила мальчику кислородную маску и продолжала следить за дыханием. Прошло минут пятнадцать, она сказала водителю: «Мы его не довезём! Сердце совсем не прослушивается, она распеленала малыша и стала делать ему непрямой массаж сердца... «Гони!» -сказала она водителю. Была ночь, машин было мало и «Скорая», включив сирену, неслась по улице... Когда они приехали в больницу, малыша с кислородной маской на лице перенесли на носилках в здание педиатрии. Валя никак не могла успокоиться, так жалко было ей малыша, но она ничем не могла ему помочь. Ей разрешили войти в здание, а ребёночка на каталке бегом повезли далеко по коридору, Валя бежала рядом и плакала, она видела своего сыночка под маской, от того ещё сильнее сжималось её сердце... Мальчика завезли в палату, на двери которой было написано большими буквами «Реанимация» и чуть помельче – «посторонним вход запрещён!» Валя села рядом на скамеечку, нянечка принесла ей белый халат и успокоительные капли. Через некоторое время из «Реанимации» вышел врач и обратился к ней: «Вы мама малыша?» Валя кивнула головой. «Простите, но мы ничего не смогли сделать-Вашего мальчика больше нет...» Валя завывала без слов: её горький вой был похож на вой раненного зверя, она больше не могла плакать, только на сердце лежал камень и давил его не переставая. Доктор приказал медсестре сделать ей успокоительный укол, принести простынь и подушку: «Куда она ночью в таком состоянии...» Валя продолжала стонать, вскоре укол подействовал, Валя ощущала такую тяжесть в голове, что механически рухнула на подушку. Пока она спала, мальчика перевезли на вскрытие, чтобы установить причину смерти. Патологоанатом разводил руками и сказал врачу: «Я не нашел причины смерти, диагноз поставить не могу: от чего мальчик умер-не

знаю. Возможно, это что-то на генном уровне, а никаких приборов и реактивов у нас пока нет, просто я читал в медицинской литературе, что такое может быть».

Среди ночи Валя очнулась (действие укола прекратилось), она ничего не понимала, где она и что здесь делает. Но когда она прочла табличку на двери, она всё вспомнила. Голова была тяжелая, она стала ждать, когда кто-нибудь придёт. Ждала долго, по коридору шел врач и нёс какой-то свёрток, врач спросил у неё: «Ребёнок Ваш?» «Да!» «Сейчас подойдёт машина и Вас отвезут домой. Там я завернул «Свидетельство о смерти» -причину я установить не смог, там так и написано: «Причина-не известна». Валя дрожащими руками взяла маленький свёрточек: врач запеленал его в простынь из морга. Пришла машина и привезла их домой. С трепетом Валя с Юрочкой на руках вошла в свою квартиру. Там Галя заливалась в крике: соседка пыталась её успокоить, но девочка чувствовала чужие руки и не прекращала кричать. Иван не знал, как подойти к ребёнку: ведь за всё это время он ни разу не вставал среди ночи, чтобы покачать коляску или кроватку, всё делала Валя. Он посмотрел на жену, когда она вошла с Юрочкой на руках: «Его не смогли спасти. Причину смерти не установили-там внутри документ». Иван, как зверь накинулся на неё, начал бить её куда попало: он как будто не замечал, что она отворачивается от него, чтобы удар не пришелся на Юрочку, её сердце не принимало того, что мальчик уже ничего не чувствует. Когда Иван излил на неё свою злость, он рухнул на кровать, а Валя стояла посреди комнаты с умершим Юрочкой на руках. Галя, как только мама вошла в комнату, затихла, а ведь ей ещё не было месяца... Соседка еле-еле разомкнула руки Вали, так крепко та держала сына. Она положила его в кроватку, увела Валю на кухню и напоила чаем с баранками: надо было и успокоить её, и не потерять молоко. Валя безвольно подчинялась всему, что с ней делали. Потом соседка отвела её в комнату: «Галочку надо покормить, она так кричала без тебя!» Валя взяла Галю на руки и заплакала: ребёнок сосал грудь, а Валя тихо плакала: она уже поняла, что мальчика больше нет, слёзы лились сами, падали на пелёночки, Валя крепко держала ребёнка и не вытирала слёз. Теперь у неё осталась только Галя: она, прикусывая грудь, активно сосала молоко. Наевшись, Галя заснула, а Валя держала её, не отпуская. Снова пришла соседка, взяла из рук Вали ребёнка и уложила в кроватку. Наступило утро... Иван ждал, когда Валя приготовит ему воду и польёт для умывания, потом пошел на кухню: там стояла яичница из четырёх яиц, он насыпал сахар в стакан, Валя налила ему свежей заварки и кипятка и ушла в комнату. Там лежал её сыночек, надо было готовиться к похоронам, от Ивана она не ждала никакой помощи. Валя пошла к соседям и позвонила Липе, та пообещала приехать вместе с мужем и обо всём позаботиться. Вскоре они привезли маленький гробик, букетик искусственных цветов. Они уложили Юрочку, обложили его цветами, Валя и Липа с Александром попрощались с умершим мальчиком, пришла соседка, заплакала рядом с гробиком, простилась и, всхлипывая, вышла в свою комнату. Закрыли гробик крышкой и вынесли его во двор: там стояла грузовая машина, они положили туда усопшего, залезли туда с Александром, Липа села в кабину и они поехали на кладбище. Там была готова маленькая могилка: Липа и Александр обо всём позаботились. Когда работники кладбища опускали гробик, Липа и Александр едва удерживали Валю, она всё никак не могла смириться с тем, что не увидит больше своего мальчика-первенца. Приехав домой, помянули малыша по христианскому обычаю, Липа уложила Валю отдохнуть. Александр уехал на работу, а Липа ещё осталась с сестрой, чтобы сделать уборку: ничего не должно было напоминать Вале о сыне, от расстройства могло испортиться молоко, а в нём нуждалась Галя. Часа через два Валя проснулась, и Галя тоже начала ворочаться, просила кушать. Валя перепеленала её, покормила и уложила в кроватку. Она быстро заснула. Валя обняла Липу: «Как хорошо, что вы у меня есть! Спасибо за помощь, я одна бы не справилась». «О чём ты, сестрёнка, нас ведь с тобой родных-то двое осталось, как же жить, не помогая друг другу!» Липа пошла домой к своему ребёнку, там она дала волю слезам: у Вали она не могла себе этого позволить, чтобы не расстраивать сестру.

Время шло по привычному порядку: ночной уход за Галочкой, приготовление еды, поход с Галочкой на прогулку, но уже в коляске для одного младенца. Сердце Вали болело от воспоминаний о мальчике, она вспомнила каждую деталь тех трагических дней. Но жизнь продолжалась... Иван всё так же относился к ней: Валя ела за ним оставшуюся еду, он никогда не вставал к ребёнку по ночам, как будто её и не было. Слава Богу, что у неё не перегорело от страданий молоко. Соседи (они были интернированы с Волги в начале войны) сговорились, а их было не мало в этом доме, они выехали в Казахстан. Комната освободилась и её отдали Ивану. Теперь кроватку Галочки и коляску поставили в эту комнату. Соседи, когда выезжали, оставили диван (не вошел в контейнер) и Валя теперь спала вместе с Галочкой. Иван иногда заходил к ней исполнить супружеские обязанности: он всё так же лапал её своими ручищами, подминал под себя, а Валя безропотно лежала и ждала окончания этой неприятной для неё «процедуры». Прошло полтора года, Галочка подросла и пыталась ходить по комнате, Валя контролировала каждый её шаг, чтобы не упала и не стукнулась. В один из дней, готовя обед, она почувствовала тошноту. К чему это она уже знала и очень обрадовалась, что в их семействе будет пополнение. Пришел Иван с работы, она за ужином сказала ему, что ей надо сходить в поликлинику, не мог бы он взять отгул и посидел с Галочкой. Иван так заорал на неё: «Ты что себе думаешь, это так просто, я там вкалываю, а не „баклуши бью“. На меня можешь не рассчитывать!» Валя не стала с ним спорить, она решила оставить Галочку у соседей со второго этажа: там жила семья, у них было двое детей, Женя ей не отказала: «Где двое, там и трое! У меня ведь две бабушки живут: мама и её сестра, они помогут. Поезжай в поликлинику спокойно!». Гинеколог, осмотрев Валу, сказала ей: «Мамочка! Ждите пополнения – у Вас будет ещё двое деток! Дома-то кто?» Валя, улыбаясь, нежно сказала: «Девочка!» «Вот и славно! Как с ними справиться Вы знаете, будем рожать?» «Да-да! У меня и первая была двойня, но только мальчик умер от неизвестной болезни в месячном возрасте. Может эти деточки выживут, я им отдам всю себя, лишь бы только им было хорошо!» Валя поблагодарила врача и поспешила домой. Женя сказала ей, что всё было в порядке, она накормила девочку тем, чем и своих детей и теперь она спит у меня на кровати, а рядом сидит бабушка, чтобы девочка, проснувшись, не упала. «Посиди у нас, попьём чайку, расскажешь о посещении врача!». «Оказывается, я снова беременна и у меня опять будет двойня!» «Я искренне тебя поздравляю, береги себя, дорогая. Теперь тебе надо думать о троих детишках». Попили чаю, к этому времени проснулась Галочка, Валя покормила её (она старалась сохранить молоко, ведь у Ивана лишнюю копейку не выпросишь на подходящее для ребёнка питание) и они пошли домой: надо было приготовить ужин-скоро придёт Иван. Он, как всегда, умылся и сел за стол: ритуал приёма пищи был обычным. Валя посмела сказать ему, что у них снова будет двойня. Иван строго посмотрел, ни чего не сказал ей и пошел спать. Валя уже привыкла к своему мужу, она не огорчилась, что он никак не среагировал на её слова...

Быстро прошел положенный срок беременности, Галочка росла крепкой некапризной девочкой, Валя не могла на неё нарадоваться: всю свою материнскую любовь она отдавала дочери, а отцу было всё равно, что в соседней комнате спит его дочь... У Вали начались схватки, она поднялась к Жене и попросила позвонить в «Скорую помощь» и оставить у неё свою дочь. Они обе знали, что вторые роды с момента первых схваток проходят быстрее, чем первые. Валя собрала с собой узелок с необходимыми вещами и предметами гигиены и пришла «Скорая помощь». Женя с Галей на руках проводила её, пожелала удачи и Валу увезли. По приезду в роддом её приняла врач, осмотрела и сказала: «Вы вовремя приехали, раскрытие уже два пальца, скоро будем рожать!» Валя чувствовала сильную боль и радовалась этому: значит всё идёт нормально. Вскоре пришла нянечка, подготовила её к родам и отвела в предродовую палату. Валя легла на кровать, но ей не лежалось, она встала и стала ходить по палате. Нянечка спросила: «Воды не отошли?». «Нет!» «Всё равно пойдём в родовую, там пузырь надорвет и будем рожать!». Валя пошла за ней, её положили на кресло и вызвали роды:

в обменной карте врач прочла, что у роженицы будет двойня, нельзя тянуть. Вале сделали какой-то укол, было очень больно, но она не жаловалась и не кричала. «Какая у нас сильная мамочка, так можно и двоих родить!» Валя действительно во время родов ни разу не крикнула, она пребывала в какой-то радостной эйфории: у неё будет двое деток и Галочка дома. Роды прошли без проблем: первым родился мальчик, второй была девочка. Врач сказала, что дети доношенные, хорошие и вес у обоих нормальный. «Вы у нас просто герой! Побольше бы таких мамочек!» Детей после обработки унесли в детскую палату, а Валу попросили не беспокоиться, а полежать немного, чтобы предупредить осложнения. Вале дали стакан сметаны и кусочек хлеба: «Ты много сил потратила, а тебе двоих кормить, так что кушай, не спеши!» - сказала нянечка. Валя заплакала оттого, что никто так нежно с ней давно не обращался...

На следующий день ей принесли малышей на кормление: Валя первый раз увидела их так близко. Мальчик спал, Валя положила его на кровать, а сама накормила девочку. Та устала, пока ела, наелась и тоже уснула. Валя положила её на кровать, а взяла на руки мальчика. Тот открыл глазки и начал кряхтеть, Вале хотелось бы его перепеленать, но все нянечки были заняты кормлением: развозили на кормление и забирали сытых. Вскоре одна из медсестёр заглянула в палату, Валя позвала её себе: «Мальчик кряхтит, может быть его надо перепеленать. Принесите мне всё, что надо, я перепеленаю его и накормлю». Медсестра принесла подгузник, пелёнку и одеяльце. Валя запеленала мальчика и начала его кормить. Он яростно схватил грудь и начал активно сосать, как будто чувствовал, что скоро приедут забирать детишек после кормления. Действительно, когда он кончил сосать, приехала нянечка с тележкой и стала укладывать драгоценные свёрточки. Валя сцеживала оставшееся молоко до тех пор, пока не прибыло новое. Теперь она могла отдохнуть: она думала, когда же придёт Иван, как назовут своих деток. Она хотела девочку назвать Ниночкой, а мальчика пусть назовёт Иван. Иван пришел поздно вечером (после работы он узнал, что Валя в роддоме, он пошел в столовую, поужинал и отправился к Вале). Он узнал, где находится её палата, обошел роддом с улицы вокруг здания, подошел к окну и позвал Валу: «Валькя, ты где, покажись?» Валя услышала его и подошла к окну: родились мальчик и девочка, сейчас напишу. Она написала на записочке, что девочку, если он не против, хочет назвать Нина. А мальчика назови сам, я согласна на любое имя!» Она выбросила записочку в окно. Иван написал, что мальчика хочет назвать Николай, попросил нянечку, выходящую за передачами, чтобы она передала её Вале. Валя стояла у окна, когда она прочитала, что сына будут звать Коленька, она согласно закивала Ивану. Тот постоял ещё минуты три и ушел домой.

На выписку снова пришли Липа с Александром, они принесли букет цветов и шоколадку, которые передали нянечке и медсестре, вынесших детей. «Какие они у тебя красивые, Валечка! Наверное, нам тоже надо подумать о втором» - сказала Липа, она крепко обняла сестрёнку и поцеловала. Они поехали домой. Валя успела соскучиться по Галочке. Она открыла свою квартиру, а сама побежала за Галочкой. Женя сказала, что Галочку кормила тем же, чем своих, она такая спокойная девочка, не капризная. Валя поблагодарила Женю и спустилась в свою квартиру. Липа разложила детей в коляски, они оба спали. Галочку Валя положила в кроватку. Теперь у Вали прибавилось хлопот: трое на одних руках, Иван не помогал ей, он знал только сам себя, Валя старалась, чтобы дети не мешали ему своим плачем, это было нелегко. К Вале часто приходила Липа со своим мальчиком, чтобы помочь Вале: она давала ему игрушки, которые приносила с собой, усаживала мальчика на разложенный диван и он спокойно сидел там и играл. В это время Валя могла вздремнуть несколько минут, она спала очень чутко, и стоило одному из детей заплакать, Валя просыпалась, перепеленывала его, кормила и укладывала обратно. Галочка тоже сидела со своим двоюродным братиком и они мирно играли с Вадимом-так звали сына Липы. Прошло более месяца... И вот наступил такой же страшный день: когда Валя кормила Коленьку, она потрогала его лобик, он был горячий. Валя докормила малыша и пошла с ним к Жене. «Женя, поддержи Коленьку, я схожу вызову «Скорую помощь».

Она сквозь рыдания назвала адрес и попросила, чтобы они приехали быстрее. Валя забрала Коленку у Жени: «Спасибо тебе, что помогаешь мне, опять та же история с Коленкой, как с Юрой». Женя пыталась её успокоить, в это время она была сама беременна третьим ребёнком. Валя спустилась домой, дети спали, она стала ждать «скорую» и плакала над своим вторым сыночком. Фельдшер сказала, что температура очень высокая, надо срочно ехать в больницу. Они практически бегом побежали к машине, Валя только успела попросить Женю, чтобы присмотрела за девочками. Машина ехала очень быстро, мальчика сразу повезли в «реанимацию», Валя сидела рядом с этой палатой, слёз она не вытирала, она ни на что не надеялась, поэтому сердце её вырывалось от боли... Всё повторилось, прошло часа три-четыре, ей вынесли умершего мальчика, она молча взяла этот скорбный свёрток и молча пошла к выходу. Так она шла с Коленкой на руках через весь город, не чувствуя усталости, только сердце горело от горя... Липа с Александром снова помогли ей похоронить малыша, дома они помянули новопреставленного Николая и Липа с Александром поехали домой...

Прошло несколько лет. Девочки выросли. Порядок в доме был всё тот же. Во время приёма пищи Иван, как всегда Иван съедал мясо с косточек (теперь Валя варила по три куска мяса на косточке), съев борщ, он отдавал один кусок: «Валькя, тябе!», следующий кусок: «Галькя, тябе!», следующий кусок: «Нинкя, тябе!». Мать и дочери доедали мясо с этих косточек, с чаем происходила та же история: Иван, насыпал сахар в стакан, Валя наливала заварку и кипяток, Иван выпивал сладкий чай, ставил стакан Вале: «Валькя, тябе!», когда она отпивала чай, он отдавал его: «Галькя, тябе!», та тоже отпивала немного чая, Иван отдавал остатки: «Нинкя, тябе!». Так заканчивался завтрак, обед и ужин в этой семье. Всю боль, обиду, жестокость по отношению к себе, переезжая из одного лагеря в другой, Иван сохранил в душе, а осталась ли душа в этом человеке? Ведь его жена и дети не сделали ему ничего плохого, за что он так с ними обращался? Валу перевели в посудомойки, потому что она часто беспричинно плакала: как можно было ставить её на обслуживание посетителей. Зато теперь она приносила домой косточки из недопитых компотов: девочки приспособились колоть их и доставать оттуда орешки. Они лакомились ими и Вале горсточку давали. Потом Иван приказал ей собирать пищевые отходы: «Хоть в этом будет от тебя толк. Заведём свинью, откормим, будет своё и мясо, и сало!». Теперь Вале приходилось приносить не только косточки из урюка, но и большое эмалированное ведро с крышкой полное остатками пищи. Купили маленького поросёночка, рядом с домами стояли дровяники, там Иван отделил в своём сарае место для поросёнка, из длинного бревна сделал корыто для него. Кормили поросёночка девочки по очереди, они ещё были малы, чтобы за один раз отнести для хрюшки поесть, они разливали пойло по маленьким ведёркам и носили по одному. Поросёночек подрастал, девочки радовались этому: они очень хотели угодить папе, чтобы он не злился на них – он частенько бил их за малейшую провинность. Галочка доросла до школы: Валя попросила у Ивана денег для дочери, чтобы собрать её в первый класс. Иван наорал на неё: «Какая школа? Учёная станет, начнёт нас с тобой позорить, слушаться не будет. Купи самый дешёвый штапель коричневого цвета и сшей ей платье сама, фартук-из чёрного, вот и будет у неё форма!» «А обувь, Иван, она ведь растёт, туфельки малы стали, Ниночке отдам, а Галочке надо купить новые «на вырост». Иван нехотя добавил ей денег: «Купи кеды, они самые дешёвые, не в кожаных же ей ходить-мала ещё!» Так понемногу Валя приготовила Галочке к школе форму. У Липы родился второй мальчик, от старшего остались кожаные туфельки, она принесла их Вале. Помогли соседи: кто ручку с чернильницей подарил, кто цветные карандаши, кто старый поношенный портфель, так «с миру по нитке» девочку собрали в школу. Она училась прилежно, учителя на собраниях её хвалили, даже Вале вручили «Почетную грамоту» за хорошее воспитание. Они шли из школы вместе, на повороте к их улице стоял киоск, там продавали мятные пряники, Валя купила два пряничка, один отдала Галочке, а второй-Нине. Она редко позволяла покупать им сладости, потому что Иван пересчитывал каждую потраченную копейку.

Вскоре и Ниночку надо было собирать в школу, ей «по наследству» досталось платье сестры: оно было из штапеля, а после стирки материал сел, перед тем, как шить платье Галочке, Валя постирала его, а потом раскраивала, но оно всё равно получилось коротковатым, Хорошо, что хоть на год его хватило: оно выцвело от стирок, на рукава сшили из черной материи нарукавники, потому что на локтях платье поредело и стало как сито, а нарукавники прикрывали локти. Снова с миру по нитке собрали Ниночке портфель и первого сентября она пошла в школу. Вале так хотелось одеть своих девочек нарядно, чтобы в косичках были большие белые банты, но, увы... Иван запретил на это тратить деньги. У Галочки во втором классе принимали школьников в Октябрята, им вручали старшекласники красные звёздочки с портретом Ленина внутри. Все гордились этими значками, но когда Галя пришла домой, дома был отец. Он расвирипел, подскочил к Гале и вырвал с фартука звёздочку: «Чтобы больше я этого не видел!» Галя ничего не могла понять, расплакалась и пошла к маме. Валя спросила: «Что случилось? Тебя во дворе избили мальчишки?» Галя продолжала плакать и показала на дырочку от значка. Валя успокоила её и расспросила, что же случилось? «Меня приняли в «Октябрята», выдали красные звёздочки, а папе это не понравилось, он оторвал её-вот и дырка в фартуке. Галя снова заплакала: «Как я завтра пойду в школу?» Тогда Валя решила рассказать дочери о том, что их папа отсидел десять лет в лагерях (это тюрьмы так называли). Он много пережил и настрадался за эти жестокие годы. Он не был преступником: Валя рассказала обо всём ей подробно: тогда такое было время... Валя снова пошла к Жене: у неё дети были пионерами, может звёздочки сохранились. Ребята начали рыться в коробке с игрушками и нашли таки звёздочку, они вручили её Вале и та радостно пошла домой. Там она подозвала Галю к себе, та уже сняла форму и переоделась в домашний халат. Валя радостно показала ей звёздочку и сказала: «Я дырочку заштопаю, но ты дома её не надевай! Придёшь в школу, тогда оденешь. А на обратном пути сними и положи в портфель, чтобы не расстраивать папу». Так и сделали. Ниночка тоже училась хорошо. Они были обе очень любознательные девочки. В подвальном помещении школы находилась столовая: там бесплатно кормили завтраками детей из малообеспеченных семей. В основном давали разные каши, булочку и компот. Это было большим подспорьем девочкам, потому что утром они не завтракали: отец рано уходил на работу, а без него они не могли самостоятельно поесть. Особенно им нравилось, когда каша подгорала, многие школьники отказывались её есть. Вот уж где они наедались: им давали столько каши, сколько они хотели. Повара смотрела, как они жадно едят эту кашу и плакали от жалости к ним, они представили, как их кормят дома, но многого они не знали, потому что девочки никогда не жаловались на родителей. Повар иногда приходила к ним в классы и давала пирожки или булочки, оставшиеся от сытых детей. Дома ужин был по распорядку: «Валькя, тябе! Галькя, тебе! Нинкя, тябе!». Дети уже привыкли, но они не могли привыкнуть к побоям: за каждую малую провинность, они так громко кричали: «Папочка, не бей! Я не буду больше так делать!» Но отца эти слёзы и крики не трогали, он ещё больше ожесточался, Валя вырывала из его рук девочку и уводила в другую комнату. Соседи слышали плач и крики девочек, но ввязываться в дела чужой семьи они не могли. Однажды Нина забыла на подходе к дому снять с фартука звёздочку и пришла так домой. Отец увидел эту звёздочку, его глаза налились кровью, он стремительно снял брючный ремень и, не разбирая чем бьёт, жестоко бил девочку, она вывернулась из его рук и кинулась к окошку: они жили на первом этаже, она думала, что без проблем убежит, при этом она кричала изо всех сил: «Помогите! Помогите! Папа убьёт меня!». Она распахнула окно, но тут отец снова схватил её, теперь за косичку, нагнул Нину и стал бить её по спине и ремнём, и пряжкой. Нина от боли обмякла и потеряла сознание... В это время пришла Валя, она всё поняла, быстренько принесла нашатырь и стала приводить её в чувство. Ей никак не удавалось, она очень боялась, что потеряет свою девочку. Она попросила Ивана, чтобы тот вызвал «скорую». Иван стоял набычившись: он понимал, если приедет «скорая», они обязаны будут сообщить об избиении ребёнка в милицию. Нина пришла в созна-

ние: она ничего не понимала, что происходит, у неё только сильно болело всё тело. Валя начала выпрашивать, что случилось, из-за чего её так жестоко избил папа? Она отрывочно начала вспоминать случившееся. Валя плакала вместе с ней, уговаривала её никому не рассказывать, а то папу снова посадят в тюрьму. Нина сговорчиво кивала маме головой, но от этого у неё начала кружиться голова и её вырвало. Валя быстренько всё убрала, положив Нину на кровать. Она не разрешала ей вставать, может быть это сотрясение мозга, она принесла к кровати Нины горшок и ухаживала за ней. «Что ты хочешь покушать, я приготовлю специально для тебя?» «Я ничего не хочу, меня сильно тошнит». «Тогда я принесу кисленького чая с клюквой, будешь?» «Попробую, только без сахара!» У них в ванной всю зиму хранилась собранная с осени клюква: холодильников тогда в свободной продаже не было, так хранили и кусочек сливочного масла: масло без бумаги клали в холодную воду, так оно хранилось дня два-три.

Нина после побоев не ходила в школу больше недели: Валя написала в оправдание прогулов записку классному руководителю, что Нина простудилась и у неё была высокая температура. Случайностей не бывает, один раз «незаряженное ружьё выстрелило»: однажды Галя пришла с повязанным галстуком: заговорила с подружками и забыла спрятать галстук. Когда она подходила к дому, навстречу ей шел с работы отец. Он увидел галстук, схватил за него Галю и потащил домой. Он втолкнул Галю в квартиру, пошел в ванную и принёс верёвку: на зиму они вешали на ней копчёный окорок. Он был такой вкусный, девочки изредка заходили в ванную и отрезали по маленькому кусочку копченой кожи, они сосали его, как самое изысканное блюдо. Иван взял эту верёвку и наотмашь начал охаживать дочь. Он бил её по всему телу, Галя кричала и просила помощи, но мамы дома не было, помочь было некому. У Гали, когда пришла мама и начала осматривать её, она увидела вздувшиеся рубцы от верёвки. Валя обработала ранки и посадила Галю в подушки. Галя тихо плакала, она не хотела расстраивать маму... Соседи слышали крики Гали, но помочь ей не могли. Но так продолжаться больше не могло: соседи собрали подписи и отнесли заявление о наказании такого отца в милицию. На следующий день пришел участковый и начал опрашивать написавших заявление жильцов. Они все говорили, что из второй квартиры часто слышатся крики, плач детей, но они не заходят туда без разрешения хозяев. Участковый, побеседовав со всеми жильцами, позвонил в дверь второй квартиры: открыл хозяин. «В чём дело? С какой целью Вы пришли ко мне в дом?» Участковый сказал ему, что по заявлению соседей его могут лишить родительских прав на девочек. Иван заскрипел зубами и сказал участковому: «Это больше не повторится!» «Хорошо! Пусть это будет первым предупреждением Вас. Но в случае повторения избиения детей, к Вам будут приняты административные меры». Участковый ушел, а Иван, как разъяренный зверь тупо ходил по комнате, скрипя зубами... Через некоторое время он подошел к Валентине и впервые за всю их совместную жизнь сказал: «Скажи детям, что я их не трону, но галстуки запрещаю носить, иначе удавлю: я знаю, что такое тюрьма, сидел не справедливо, у меня украли десять лет жизни, а теперь всё будет по закону!» Валя задрожала как осиновый листок, она стояла с полотенцем в руках, готовила ужин. «Удавлю, говоришь? А ты их носил девять месяцев, рожал в муках, хоронил наших мальчиков? Да я тебя сама убью, если ты хоть пальцем тронешь одну из них!».

Валентина сама себе удивилась, откуда у неё хватило смелости перечить мужу: видать накопело за столько лет унижений и горя-двоих малюток оторвать от себя было не просто... Она попила холодненькой водички, пошла готовить ужин, а Иван ушел в свою комнату, было слышно, как он пинает там табуретки, стучит кулаками по стенам... Валя накрыла как всегда стол и позвала всех на ужин: они сидели каждый на своём месте, Иван, Валя, Галя, Нина. Ели за отцом остатки пищи, кому что достанется, Валя по привычке приносила девочкам косточки из компота, они разбивали их и ели. После ужина они учили уроки и ложились спать: они ходили во вторую смену, но уроки делали накануне. Детей после войны рождалось много, только в их 8-ми квартирном доме было 22 ребёнка разных возрастов, но жили дружно, никогда старшие не били малышей, а когда наступала зима, они лазили по сугробам, делая «бабочек»:

раскинув руки постепенно хлопая по снегу сверху вниз, а потом кто-то посильнее им помог аккуратно встать, чтобы рисунок не сбил. Так все низкие сугробы были в «бабочках». А когда снегу наметало много, и рядом были глубокие сугробы, ребятня «сползала» к краю сарая и... в сугроб. Они знали, что рядом с этими сараями не было поленниц дров, так что такие «полёты» были безопасны, а сколько удовольствия!!! Домой возвращались как снежные бабы: снег был везде, где только было пространство для него, раздевались прямо на первом этаже, счищали друг с друга снег, очищали валенки и высыпали из валенок, всем было весело и хорошо. Соседи после такого «десанта» выходили с тряпками и вытирали растаявший снег, а ребятня расходилась по квартирам сушиться. Беззаботное детство, кажется, что это было совсем недавно, а прошло несколько десятков лет...

В семье Ивана была всё та же жестокая дисциплина. Ни к одному празднику девочкам не покупались обновки: Нина донашивала за Галей, а Гале мама шила, как могла. Они не устраивали детям дни рождения, никого к себе не приглашали. Но Женина дочь знала их торжественные дни, они всегда приглашали их к себе, Женя угощала их вкусными наливными ватрушками, пирожками с земляничным вареньем и поила какао: такого они дома никогда не ели. В один из таких дней рождения Женя подарила Гале простенькое, но очень красивое платье. Она примерила его у них, оказалось как раз впору. Галя благодарила тётю Женю: теперь она может пойти на ближайший праздник в этом красивом платье! У Жени был такой характер: к каждому Празднику она пекла пирожки, шанежки, булочки с изюмом, покупала много дешёвеньких конфет и приглашала всю ребятню к себе на Праздник. Она была инвалидом и получала мизерную пенсию, но всегда копила к праздникам денежек, чтобы в доме был Праздник. Когда подросла её дочь, к ним после майской и октябрьской демонстрации приходил весь её класс, пили чай, всегда слышался радостный смех, и Жене это было очень приятно. В семье Ивана не было праздников, он никак не мог простить Государству своих потерянных десяти лет... Однажды Валя сказала ему, что беременна. Он долго думал, не случится ли так же, как с первыми двумя двойняшками... Валя сказала, что врач прослушал только одно сердцебиение, значит, родится один ребёнок. «А вдруг мальчик-наследник нашей фамилии? Рожай, Валькя!» Девочкам Валя не сказала, но однажды, придя с работы, она упала в обморок, дома были только дети, Галя побежала к Жене: «Тётя Женя, мама упала в обморок, что нам делать?» Женя взяла из своей сумочки (у неё часто бывали предобморочные состояния, потому она всегда в сумочке носила нашатырь и валидол) и они пошли к Валентине. Та лежала на полу, рядом сидела Ниночка и плакала. Женя дала понюхать Вале нашатырь, та сморщилась и, осмотревшись вокруг, спросила: «Что случилось? Почему я на полу?» «Девочки, дайте маме под голову подушку, а я вызову «скорую». «Не надо «скорой», просто я беременна, я никому не говорила, чтобы не сглазить. Девочки, у нас будет прибавление в семье!». Они помогли ей лечь на кровать. Женя ещё посидела с ней, они разговорились: «А Иван как отнёсся к беременности? -спросила Женя. «Сказал, рожай!». «Вот и слава Богу, будем надеяться, что всё пройдёт хорошо». Женя ушла домой.

В положенный срок Валя родила мальчика. Иван, узнав о рождении сына, пришел к ней с фруктами, кефиром. Передал всё через нянечку и спросил, где лежит Валя. Он быстро нашел её окно и позвал, чтобы выглянула. Валя написала ему записочку, чтобы назвал мальчика и получил «Свидетельство о рождении», иначе из роддома не выпишут: на то время было много случаев, что детей просто не забирали из роддома или подбрасывали в каком-нибудь общественном месте. По справке, выданной из роддома, Иван оформил «Свидетельство о рождении» и назвал сына Виктором. На следующий день он пришел к Валентине, она написала, что мальчик хорошо кушает, набрал свой вес и даже прибавил 50грамм, значит молоко хорошее. А то, что он назвал малыша Виктором, она с ним согласна, хорошее имя! Она передала нянечке записку для Ивана. Тот в приподнятом состоянии духа шел домой. Надо было приготовить всё к выписке младенца. Галю он заставил помыть кровать, Нину – одност-

ную коляску, да так, чтобы всё блестело-наследник родился! Девочки перестирали и погладили пелёнки, подгузники, одеяльце. Всё было приготовлено на совесть. Иван в своей комнате надул белые (из презервативов) шарики и украсил ими окно, натянул шпагат наискосок от угла до угла и привязал к ним шарики. Подошел день выписки, Иван сам пошел встретить Валю с сыном, Липа с Александром тоже пришли, они принесли букет и коробку конфет. Всё, как положено. Нянечка вынесла новорожденного, вручила его папе, Липа с Александром отдали букет Вале, а конфеты-нянечке. «Приходите ещё!» - сказала нянечка. Все поблагодарили её и пошли домой. Валентина была так удивлена встрече Витеньки, которую устроил ему Иван. Наконец-то Валя увидела радостные искорки в глазах Ивана. Он самостоятельно развернул Витеньку и рассматривал его со всех сторон: ему понравилось, что мальчик упитанный, на ручках «перевязочки» - он был такой красивый, Ивану казалось, что красивее его сына нет. Виктор заплакал, Иван подозвал Валю, чтобы та покормила его: кровать стояла в комнате Ивана и, сев на кровать, Валя снова удивилась: Иван сделал ей аккуратную скамеечку под ногу, чтобы было удобнее кормить ребёнка. Витенька наелся и заснул прямо у неё на руках. Подошел Иван и тихонько взяв его, переложил в кровать. «Теперь я буду к нему вставать ночью, понадобится-позову!». Валя была крайне удивлена: ведь ни к одной девочке он не вставал по ночам. Со всеми хлопотами по приезду домой Валя очень устала и прилегла на кровать, она сразу уснула с улыбкой на губах. Только сейчас Иван рассматривал свою жену и понял, что она очень красивая, как он раньше не замечал этого? Он был переполнен радостью, что родился мальчик, а родила его такая красивая женщина...

Прошло несколько месяцев. Иван, придя с работы, умывался и шел к сыну: он поднимал его высоко над собой, мальчик смеялся и этим радовал папу. Они кружили по комнате, Валя только и успевала сказать: «Осторожно! Он ведь ещё маленький, не урони!». «Какой он маленький, посмотри, какой богатырь растёт!» Потом он укладывал ребёнка в кровать и шел ужинать: не смотря на радость от рождения сына, он всё так же ужинал, а остатки отдавал жене и девочкам. Это было настолько унижительно, но жена и дочери терпели: у папы было хорошее настроение, он никогда не задерживался на работе, не ругал их и тем более не бил. Прошло шесть месяцев, Витенька стал, держась за кровать, садиться-это было просто чудо, отец не мог нарадоваться сыном. Он просил девочек, чтобы те присматривали за ним, а выпадет из кровати-может ушибиться. Валентина не отходила от сына, но когда ей надо было сходить в магазин, она ждала девочек из школы, чтобы присмотрели за братом. На седьмом месяце у Витеньки поднялся жар, градусник раскалялся, зашкаливая. Валя со слезами вызвала «скорую», её уже знали, как она потеряла двух мальчиков, и незамедлительно выехали на вызов. Витеньку на носилках вынесли в машину, Валя тоже поехала с ними. Повторилась вся та же процедура, врачи не смогли спасти малыша. Доктор выразил ей свои соболезнования, а что они Валентине, она потеряла третьего мальчика... Она сидела рядом с реанимацией, вскоре вывезли закрытого простынкой её сына и увезли в морг. После вскрытия пришел патологоанатом и сказал врачу: «Это всё-таки наследственное заболевание: все внутренние органы здоровы, а кровь свернулась от высокой температуры». «Не знаю, как объяснить матери причину смерти, я написал: причина смерти не известна». «Вы сделали, что смогли, а матери мы всё скажем сами, объясним ей, что по её линии родства или по линии мужа было это заболевание, скорей всего по её. Но мужу мы этого говорить не будем, он неуравновешенный человек, не даст ей жить спокойно!» Они выдали ей сына, завёрнутого в простынку, она обливала его слезами: мальчик уже был тяжеленький, жить бы да жить ему, но так распорядился Господь: забрал к себе её малышкой... А ведь дети у неё не были крещёные, ни живые, ни тот, кто умер: Иван категорически запрещал посещать ей церковь. Теперь даже по большим Праздникам она могла бы только поставить свечку за упокой их душ...

Она пришла домой, во дворе её встретила Женя: «Что же это такое-три мальчика ушли из Жизни, ведь теперь Иван будет обвинять тебя?». «Что же поделывать» - говорила сквозь слёзы

Валя, «значит у меня такая судьба...». Она позвонила Липе с Александром и сказала эти скорбные слова: «Витеньки больше нет! Он умер так же, как Юра и Коля. Приедете помочь: со страхом жду Ивана с работы?» «Конечно приедем, мы быстренько. Может надо что-то привезти?» «Ничего не надо, только защитите меня и девочек, он будет в ярости!» «Хорошо! Едем!» Они быстро приехали, Ивана ещё не было дома. Когда он пришел и увидел Липу и Александра, радостным голосом сказал: «А у нас гости! На сыночка приехали посмотреть? Только руки помойте и тогда идите в комнату!» Он сам умылся и вошел в комнату: там в кровати лежал его ненаглядный сыночек, но почему он лежит в одной простынке, может замёрзнуть. Он подошел к мальчику, чтобы взять его на руки, а Вале сказал постелить всё, что надо. Он прикоснулся к мальчику и понял, что нет у него больше сына... Он зарыдал с подвыванием, начал метаться по комнате, схватил Валю за плечи и закричал: «Не уберегла моего сыночка, радость мою? Нет тебе прощения, больше не заходи в мою комнату!». Мальчик лежал на пеленальном столике – теперь он не упадёт. Валя заливалась слезами и хотела мужу сказать, что мальчик умер так же, как и Юра с Колей, от неизвестной болезни, но Иван не давал ей рта открыть. Александр уехал, чтобы договориться насчёт похорон, Липа осталась с Вале. Девочки пришли из школы и горько заплакали по своему братику: он ведь был большенький, узнавал их и улыбался, всё время сосал морковку-зубки резались. А теперь его нет и они с Галей снова одни. Пришла Женя (Галя позвала её), спросила, чем она может помочь, но Валя ещё сильнее зарыдала: «Моего сыночка никому не вернуть...». Женя ушла, чтобы не расстраивать Валю, а Липа обняла её за плечи и они сидели около Витеньки и плакали навзрыд. Иван сказал: «Ужин готов? И парня потеряла, и ужин не приготовила! Марш на кухню, что теперь слёзы лить?» Валя безропотно пошла на кухню, разогрела на плите борщ, вскипятила чайник, пригласила Липу поужинать с ними, но Иван резко высказался: «Самим жрать нечего!» и Липа заторопилась домой. Она сказала: «Я соберу одежду для Витеньки, наш-то уже вырос, а всё, что от него маленького я оставила, но... увы, Господь не дал нам девочку!». Они тепло попрощались: «Держись, сестричка, жизнь есть жизнь!»

Похоронили Витеньку, Валя перешла в другую комнату, а Иван с тех пор ни разу не заходил к ней. Валя была этим довольна: а вдруг снова забеременеет и снова горе, её сердце больше не выдержит. Она по привычке ходила на работу, но у неё всё было, как в тумане, кружилась голова, на работе она стала часто падать в обморок и девчонки отправили её в поликлинику, там врач осмотрела её и предложила лечь в стационар на обследование. Она сказала, что надо с детьми посоветоваться и тогда ложиться в больницу. Девочки хором сказали: «Ложись! А вдруг у тебя какая-то болезнь, которую надо срочно лечить! Мы сможем без тебя, мамочка, и приготовить, и прибраться, и постирать, не волнуйся! Мы будем приходить к тебе каждый день-не успеешь соскучиться!». Валя пошла в больницу, переоделась в домашний халат, тапочки и прошла в указанную ей палату. Там была свободная кровать, она присела на неё, положила в тумбочку зубную пасту, щётку, мыло. Пришел лечащий врач, ещё раз прослушал её, постучал маленьким молоточком по рукам и ногам, заставил достать пальцем кончик носа, потом повторить другой рукой. «Вот и хорошо! Полежите у нас, сделаем анализы, подпитаем капельницами организм, всё придёт в норму!». Врач вышел, а соседки по палате стали с ней знакомиться. В больницах обычно всегда быстро становятся друзьями, помогают друг другу, рассказывают, если что-то не понятно. Когда Валя им рассказала о своих троих мальчиках, которых она похоронила, соседки плакали, слушая её. Они стали относиться к ней как к тяжелобольной... Ежедневный обход все встречали запроваженными кроватями, стоя рядом со своей кроватью. Обычно с врачом ходила медсестра с историями болезни, подавала доктору историю той женщины, к которой подходил врач. Врач измерял давление, прослушивал фонендоскопом дыхание, что-то на своём только им двоим понятном языке давал указание о лечении и других обследованиях. В те времена больница не имела много диагностического оборудования, но Вале провели полное обследование. Врач дал заключение: «Полное физическое и нервное

истощение. Хорошо было бы поехать Вам в санаторий, при больнице есть профилакторий, если Вы согласитесь, я дам Вам направление на три недели: там Вас долечат, есть другое оборудование, ходите на процедуры, питание у них усиленное, витаминизированное, выйдете оттуда как новенькая! А ночевать Вы сможете ходить домой, соглашайтесь! Вы нужны своим девочкам, так что берегите своё здоровье!». Валя попросила время подумать, врач в ответ ей сказал: «Мы с Вами ещё здесь не все процедуры проделали, так что думайте спокойно, посоветуйтесь с родными!». Вале сделали ещё несколько капельниц, она сдала последние анализы, за это время она поговорила и с девочками, и с Липой, все в один голос сказали: «Соглашайся! На работу успеешь, а подлечиться после всего надо!» Когда пришел на обход доктор, она сказала ему: «Я согласна, доктор, на профилакторий!». «Вот и славно, сегодня подготовлю все документы и завтра выпишу!»

Три недели Валя днём ходила в профилакторий, а на ночь приходила домой. Она спрашивала, как ведёт себя отец в её отсутствие? Девочки сказали, что они уже привыкли к их образу жизни, так что не беспокойся. Дни в профилактории прошли быстро, Валентина вышла на работу. Там её встретил дружелюбный коллектив, и работа пошла, как прежде. Но теперь Валя чувствовала себя хорошо: её не тошнило от остатков пищи, она всё ещё носила их для поросёночка, выбирала то, что получше, ведь она не могла унести больше ведра. Одного поросёночка они уже откормили. Пришло время колоть кабанчика, они пригласили самого лучшего специалиста для этой процедуры, он мог с первого удара ножом повалить поросёнка, далее проходила вся процедура разделки, за работу он брал часть печени, лёгкие, сердце: всё равно в семье Вали не было специалиста по приготовлению свиной колбасы, для этого Валя готовила кишки, он использовал их для колбасы, Валя их очень чисто мыла и скребла. Этот же Поволжский немец умел коптить свинину: у него было специальное оборудование, именно эта свинина висела у Вали в ванной. Копченая свинина могла храниться долго. Дни бежали за днями, девочки росли, а Иван начал попивать: после работы от него пахло спиртным. Он вёл себя ещё жестче, придирался к любой мелочи, часто бил девочек совсем ни за что, они плакали, но уже так, как раньше, не кричали. В один из таких дней, пока папы не было дома, Галя поднялась на второй этаж к тёте Жене: у неё была дочка Клара, она была на два года её старше. Галя решила посоветоваться с ней по девчачьи: у них в дом к своему дядюшке приехал перед армией племянник, он очень понравился Гале не смотря на то, что она видела его несколько раз. Его звали Анатолий: так звал его дядюшка, когда приходило время ужинать. У них в доме был большой общий коридор, по вечерам все выходили со своими табуретками, стульями, посредине стоял большой стол, все садились вокруг него и играли в лото на копеечку. За этим столом собирались все свободные от домашних дел взрослые и дети. Галю никогда не отпускали играть в лото, а Клара была очень азартным игроком: оставалась играть до последней четвёрки игроков. Дома её ругали за это, ведь завтра в школу, она сидит допоздна. Детей в те времена было в каждой семье много. В 1936 году вышел Приказ Совнаркома о запрещении абортов, поэтому женщины, родившие 8—10 детей, обращались к знахаркам за прерыванием очередной беременности, часто эта процедура заканчивалась плачевно: операция проходила в антисанитарных условиях, иногда срок беременности был большим, а знахарки пользовались не стерильным инструментом, заносили инфекцию и от этого через несколько дней пациентка умирала. В 1955 году этот Приказ отменили и нежелательные беременности прерывались в больничных условиях: детей-сироток стало меньше, у них быстро находились мачехи даже на такую ораву. Мужчин было мало, поэтому выходили замуж за первого предложившего руку мужчине, не смотря на то, сколько у него детей. И в Галином доме тоже были семьи, где было много детей и мачеха. Но им жилось спокойнее, чем Гале и Нине: мачехи жалели своих приёмных детей, хорошо готовили, целыми днями стирали, варили и не оговаривали за кусок хлеба, которого не всегда хватало... Галя пришла к Кларе, чтобы посоветоваться с ней, как ей быть. Дело в том, что они с Анатолием несколько раз ходили в кино, иногда просто гуляли по тихим улочкам.

Анатолий не позволял себе ничего лишнего, только с разрешения Гали они стали гулять, держась за руки. Им было хорошо и спокойно: к одиноким девочкам, возвращавшихся поздно домой, приставали возвращающиеся со смены молодые шахтёры. Так однажды они подошли к Кларе с маленьким братом, которые шли из магазина: приехал папа и дал им денег на конфеты. Они побежали в магазин и на обратном пути встретились с этими малолетними хулиганами. Клара отдала брату пакетик с конфетами, сказала: «Беги!». «А ты как одна?». «Ничего, береги конфеты и беги домой!». Братишка отбежал от этого дома к сараям и стал смотреть, как там Клара, может надо будет взрослых звать... Шахтёры между собой (а их было пятеро) поговорили: «Кто первый с этой цыпочкой займётся?». Первым вышел Утоп-его фамилия была Утопов, так его и звали «Утоп». Клара встала спиной к стене с освещёнными окнами, в случае чего можно постучать и позвать на помощь. Когда Утоп протянул к ней руку, она схватила её и завернула за его спину, а ногой пнула по колену: этими приёмами она даже Утопа заставила кричать от боли. Его друзья стояли в сторонке и хохотали. «Не по зубам цыпочка? Отпусти его, ему сегодня не повезло!». С тех пор Утоп всегда оберегал её от всех хулиганов, но к ней не подходил. Галя знала про этот случай: они жили на окраине города, и любое событие переходило из уст в уста. Галя пришла к ней как к старшей сестре и рассказала ей про их дружбу с Толиком. Галя знала, что Клара умеет гадать на картах. Клара сразу согласилась, она видела, в каком состоянии Галя. Клара разложила карты, они «говорили» о каком-то хорошем разговоре. Она сказала об этом Гале, та очень обрадовалась, поблагодарила Клару и пошла домой. Вечером Анатолий сказал ей, что пришла повестка из Военкомата: его призывают в Армию. «Ты будешь ждать меня из армии? Я буду по тебе скучать!». «Да, я, по возможности, буду писать тебе письма!»

Иван продолжал пить, Валя уже привыкла к такому поведению Ивана и ничего ему не говорила. Но девочки были беззащитны перед пьяным мужиком, который не считает их за своих дочерей. Он придирался к ним по всякому поводу: однажды он взял большую тарелку, из которой они все ели, провёл рукой по внутренней поверхности: «Кто сегодня мыл посуду?». Галя подошла и сказала, что посуду сегодня мыла она. «Ты? Я научу тебя мыть посуду, свинья!». Он схватил её за косу и головой начал «мыть» тарелку, Гале было очень больно и стыдно, но она не кричала от такого насилия... Когда Иван устал «учить» дочь, он вымыл руки, как будто действительно держал в руках грязь, ушел в свою комнату. Галя переплела косу, когда она расчёсывала волосы, ей было очень больно, но маму она расстраивать не стала, ничего не рассказала ей. Мама разогрела ужин и позвала всех, но Иван после «тяжелой» работы и спиртного уже храпел на кровати. Валя решила не ждать, когда он проснётся, они поужинали без отца: каждому была своя тарелка, свой кусочек мяса, свежесваренный чай с сахаром. Они почувствовали себя людьми! Очередь мыть посуду была Нинина, она нагрела воды (горячей воды в доме не было), тщательно вымыла посуду, вытерла её и поставила на место. Они пошли в свою комнату и стали рассказывать, как прошел этот день. Потом девочки начали учить на завтра уроки. Галя, чем могла, помогала Нине. Галя очень переживала разлуку с Анатолием, она думала, что он просто пошутил, когда уходил в Армию. Прошло более двух месяцев, Галя получила от Анатолия письмо без марки, радости её не было предела, а поделиться она могла только с Кларой. Пока никого не было дома, Галя поднялась к Кларе. Та тоже порадовалась за подругу: «Тебе осталось ждать около трёх лет, ты к этому времени будешь совершеннолетней и сможешь решать свою судьбу!!!» Клара обняла Галю, поцеловала её в щечку и они молча сидели вдвоём, им было хорошо, они понимали друг друга без слов. Скоро должны были прийти родители Гали и она пошла домой, попросив спрятать у Клары письмо, чтобы никто из родителей не нашел его случайно. Клара после её ухода разложила карты и была очень огорчена: карты рассказали, что у Гали будущее будет трагическим. Клара думала, стоит ли рассказывать Гале всё, что сказали карты. Надо подождать подходящего случая. Галя еженедельно получала письма от Анатолия, но она попросила его писать на адрес Клары, а та знала,

как тяжело живётся Гале, и не дай Бог, родители узнают, что она переписывается с Анатолием, будет самое страшное. Женя знала о жесткости отца Гали и согласилась не говорить им, что они за неё получают письма. Клара в один из Праздников пригласила Гаю и Нину на угощение. Они уединились с Галей, и Клара спросила её, хочет ли она знать своё будущее. Галя заинтересовалась и попросила разложить карты. Будущее у Гали просматривалось печальное: она дожждётся Анатолия, тот попросит её руки у родителей, те с радостью дадут согласие: лишний рот с рук. Валя всплакнула, когда услышала, что жить они будут отдельно. Останутся они вдвоём с Ниночкой, мужа она уже давно не считала членом их семьи... Галя, закончив школу, поступит в техникум, получит специальность техник-электрик, её распределят работать на подстанцию начальником смены с испытательным сроком. Галя была усердная работница и её поставят работать по сменам. Смены Гали будут по 12 часов: день, ночь, два выходных. Она будет работать с большим удовольствием, так как в техникуме она очень прилежно училась и работать ей будет легко. Анатолий, когда её смена заканчивалась в полночь, будет встречать Гаю, но однажды на него прямо рядом с подстанцией нападут бандиты, они порежут его и разбегутся, а Анатолия, истекающего кровью, найдёт Галина: она срочно вызовет «Скорую помощь» и поедет, держа его голову на своих коленях. Его сразу увезут в операционную, операция будет длиться долго, но Анатолий останется жив, только после выписки его переведут на вторую группу инвалидности. Галя будет продолжать работать, но только в ночную смену, так как днём Анатолий нуждался в её уходе и помощи. Пройдёт несколько лет, Анатолий поднимется на ноги, теперь они смогут подумать о ребёнке, но детей у них пока не будет. После того, как Анатолию снимут группу, он выйдет на свою работу, они пройдут обследование, никаких причин бесплодия у них не найдут. Они даже будут ездить к знахарям, но те обнадёживали, говоря: «На всё воля Господа!» ... Галя слушала Клару и всему верила, она знала, что Клара – её единственная верная подруга и врать ей не станет. Она только как-то поникла, когда слова Клары дошли до детей: она помнила, как они горевали, когда умер Витенька. Клара сказала: «Карты могут обманывать, но я прямо вижу детально, что же будет». «Я не хочу тебе зла! Давай погадаем, когда я приеду на следующие каникулы». Клара училась в Сибири и каждый семестр у неё были каникулы. Анатолий и Галя к этому времени уже поженились и провожали её, когда она уезжала продолжать учиться. Клара видела, как трогательно Анатолий относится к Гале. Её это очень радовало: несколько лет они будут счастливы, а потом они вместе преодолеют беду и выйдут из неё с честью. Они долго шли по перрону, до тех пор, пока поезд ни скрылся из вида...

Прошло много лет, Клара получила специальность и поехала по распределению в Забайкалье, в очередной отпуск Клара вышла замуж, она сразу забеременела и родила девочку: не смотря на то, что она рожала девочку в родном городе, заботы о ребёнке поглотили её, девочка родилась практически здорова: во время родов по медицинским показаниям применили вакуум-экстрактор, тем самым была частично вытянута одна доля черепа, медики говорили, что через месяц эта «шишка» уйдёт, но она ни через полгода, ни через год не прошла. Клара очень переживала: как скажется эта аномалия на умственном развитии дочери, но в годик она пошла, «рассказывала» стишок про «попа, у которого была собака...», Клара успокоилась, девочка была умственно здоровой. Семья жила в гарнизоне в 60-ти километрах от города, свозить деточку к специалисту не было возможности: автобус уходил в город рано утром, народу было всегда много, а вечером после шести часов возвращался в городок. А в Казахстане, где была расположена воинская часть, было очень жарко, пыльные бури, а девочку надо и покормить вовремя и перепеленать, а ещё у неё была такая особенность: она спала подряд только 40 минут, хоть часы сверяй, не важно где она дома или на улице на прогулке. Девчонки, гуляющие со своими детьми, не верили, что девочка спала подряд только 40 минут, они засекали время, когда девочка засыпала и когда открывала глаза: проходило ровно 40 минут, и так ночью и днём, Клара не надеялась на помощь мужа: он ходил в смену

на службу, иногда в суточный наряд, поэтому ему надо было отдохнуть и после смены, и после наряда. Горячей воды не было, воду кипятили на газовой печке в большой кастрюле, чтобы искупать два раза в день ребёнка, потому что у неё от прикорма начался диатез и Клара не стала вводить прикорм, продолжала кормить её грудным молоком, хорошо, что у Клары было достаточно молока, даже ребёнка подружки кормила, когда та уезжала в город до вечера. Поэтому, когда им дали отпуск, они полетели на самолёте к родителям Клары, которые переехали в другой город. Так у Клары не было времени повидаться с Галей и Анатолием. У Клары родилась вторая дочь, прибавилось забот и хлопот, хорошо, что вторая девочка была спокойная, она спала с девяти вечера после купания и кормления до шести часов утра. Но наступила большая беда: у неё начались астматические пневмонии от разных запахов. Клара вставала среди ночи к ней и пыталась «за неё дышать», ей было очень страшно, что ребёнок так может и задохнуться, а врачи ничем не могли помочь: шесть раз она уже синела у неё на руках, приводя Клару в ужас. Можно понять, что у Клары не было свободного времени, чтобы написать письмо Гале. Да и у неё, наверное, своя жизнь, зачем напоминать ей то тяжелое детство... Однажды тётушка Клары попросила её встретиться и проводить в родной город из Приднестровья. Так Клара оказалась в родном городе. Она выполнила все поручения тётушки, решила сходить в свой родной дом. Там в квартире Гали жила Нина с мужем, Валя жила в комнате Ивана, а Иван пять лет назад попал в пьяном виде под машину и погиб: так закончилась Жизнь человека со сломанной лагерями судьбой. У Нины была дочь, которая уже заканчивала восьмой класс и готовилась пойти учиться на швею, как мама. Муж у Нины был из соседнего двора, он очень хорошо относился к своей жене-пампушке, никогда не унижал её. Видно было, что Нине Господь воздал за все её боли и унижения детства. Клара очень порадовалась за неё. Они пригласили её поужинать с ними: все сидели за кухонным столом-Валя, Сергей (муж Нины), Нина, их дочь и Клара. Подавала ужин Нина, у них была тёплая семейная обстановка, Клара спросила о Гале: где она живёт и как, довольна ли, что вышла замуж на Анатолия. Валентина ничего подробно не стала ей рассказывать о них: завтра сходишь и сама всё узнаешь. Клара ночевала вместе с Валею, а дети и внучка во второй комнате. Утром, наскоро попив чайку, Клара поехала по Галиному адресу. Она боялась, что не успеет добраться до того, как они уедут на работу. Но ей повезло: всё семейство было дома. Галя была в декретном отпуске, а у Анатолия был выходной. Галя кинулась к Кларе на шею: «Кларочка! Наконец-то мы с тобой встретились! Почему так долго не приезжала?». «Сейчас всё расскажу, а вы о своей жизни мне расскажите!». Галя сказала: «А ведь ты всё знаешь: помнишь, я приходила к тебе гадать на будущее и ты в деталях рассказала мне о моей жизни? Так вот, всё сбылось так, как ты сказала: я закончила техникум и меня поставили начальником смены большой электроподстанции. Толик встречал меня по ночам, но однажды к нему подошли «развлечься» парни, попросили закурить, Толик ответил, что не курит! «Ты ведь знаешь, что Толик не курит». «Теперь закуришь: сначала они всей кампанией били его руками и ногами, а потом пошел в ход нож, они сильно порезали его и разбежались, а Толик потерял сознание». Я закончила смену и вышла самая первая, увидела лежащего Толика и крикнула сотрудницам, чтобы срочно вызвали «Скорую помощь», в машине я действительно держала его голову у себя на коленях, а дальше всё было так, как ты мне предсказывала». Но несколько лет Анатолий был нетрудоспособен, Галя ухаживала за ним, между ними ещё более крепло их взаимное чувство. Пережили всё, Анатолий встал на ноги, после этого он разрабатывал руки и ноги, чтобы быть полностью трудоспособным, через год его сняли с группы инвалидности. Он пошел на работу, они жили на новостройке в новом доме в однокомнатной квартире. Для полного счастья им не хватало только детей, но пока ничего не получалось. После посещения очередной знахарки у них обоих с Галей закралось такое чувство, что им осталось не долго, у них будет ребёночек. Прошло несколько месяцев, Галя поняла, что она беременна. Сходила к врачу, врач подтвердила её догадки: теперь она может обрадовать Толика! Толик долго носил её на руках и целовал: «Теперь я буду за тобой

ухаживать!». Галя никому на работе не сказала, что беременная, боялась, что сглазят. Так она и работала, пока живот начал расти и все поняли, что она ждёт ребёнка. Они накинулись на неё: «Что же ты нам ничего не говорила?». Галя скромно опустила глаза и ничего не сказала. Теперь и её сослуживцы старались угостить её чем-нибудь вкусеньким, у Гали не было токсикоза, так что она благодарила за все гостинцы и ела их с удовольствием. Пришло время выходить в декрет, Галя передала все свои дела заместителю и пошла домой. Анатолий был свободен в этот день, приготовил вкусный обед, они пообедали и легли спать: Анатолий положил руку на Галин живот и ждал, когда ребёночек толкнёт его руку, чтобы поздороваться. Они оба разговаривали со своим ребёночком, они прочли много литературы о предродовом периоде и следовали тем указаниям. Это было очень счастливое время для них обоих: они счастливые оба засыпали после обеда. В свободное время Анатолий водил Галю в сквер гулять, подышать свежим воздухом. По дороге они покупали какие-нибудь фрукты, мыли их в питьевом фонтанчике и вытирали чистым носовым платком Анатолия и садились на лавочку. Над ними были кусты сирени, у бордюра росли кусты, на которых осенью появлялись такие «ягодки», которые при нажатии на них громко щёлкали, они смеялись, как дети, они радовались всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.